

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ_____**

Северо-Западное Причерноморье – степная зона от Южного Буга до Дуная является западным окраинным участком Великого степного пояса Евразии. Именно здесь кочевой мир вступал в непосредственный контакт с европейской цивилизацией: на Нижнем Дунае, в Карпатах и в лесостепной зоне, примыкающей к степям с севера и северо-запада. Такой контакт исторически и хронологически отражен в письменных источниках европейских народов.

С конца IV века регион входит в орбиту активности кочевых тюркских племён: гуннов, тюрко-болгар, печенегов, огузов, половцев (кипчаков). В 1930 году во время вспашки, в 3 км. от с. Калиновки Коминтерновского района Одесской области была найдена каменная статуя – «баба», принадлежащая к типу позднекочевнических «баб» IX – XI веков ¹⁾.

В это же время древние росы совершали мимо этих берегов свои знаменитые походы «из варяг в греки». По сообщению византийского императора X века Константина Багрянородного, пройдя днепровские пороги: «...они достигают острова, называемого Св. Григорий (Хортица). От этого острова росы не боятся пачинакита (печенегов), пока не окажутся в реке Селина, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферий (о. Березань). Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трех дней. И снова они переоснащают свои моносилы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили

[с собой]. Так как устье этой реки является, как сказано, заливом и простирается вплоть до моря, а в море лежит остров Св. Эферий, отсюда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают»²⁾.

Участок от о. Березани до устья Днестра был одним из самых длинных и опасных однодневных переходов – 230 км. Весь этот участок побережье контролировался кочевниками. Любая вынужденная высадка на берег во время шторма могла закончиться для путешественников трагически.

О стоянках средневековых морских судов в лиманах свидетельствует находка в 1910 году железного четырёхлапчатого «генуэзского» якоря XII века в Куяльницком лимане. В 1915 г. в 4 милях от берега был найден ещё один железный якорь, датированный XIII веком. У села Беляры Коминтерновского района Одесской области найден клад бронзовых византийских монет VI в. Юстина и Юстиниана I³⁾.

Видимо, именно во время господства здесь тюркских кочевых племён появляются тюркские названия таких гидронимов как Тилигульский лиман и Куяльницкий лиман. Тилигул или Дели-Гель – в переводе «бешенное озеро»; название лимана Куяльник, по мнению одесского историка А. В. Шабашова, «восходит к тюркскому (возможно к половецкому) слову кьойалык – «камышовая местность». Интересно, что сам гидроним «лиман» относится к грецизмам, заимствованным в славянские языки через тюркское посредничество турецького и крымско-татарского языков – «залив, бухта»⁴⁾.

После нашествия Батыя край входит в состав Золотой Орды. В конце 1242 года и в самом начале 1243 года вернувшиеся из Западной Европы монголы во главе с ханом Бату расположились в причерноморских и прикаспийских степях, известных у восточных авторов под названием Дешт-и-Кыпчак. К сожалению письменные

источники крайне редко упоминают о землях Северного Причерноморья в этот исторический период.

Сведения об оседлых населенных пунктах Золотой Орды в Днестровско-Днепровском междуречье малочисленны и скупы. Ближайшие к Одессе памятники: на восточном берегу Тилигульского лимана на поселении Анатольевка IV – зафиксированы остатки фундамента и фрагменты красноглиняных кувшинов XIV – XV веков и погребение того же времени; городище Маяки – находится близ устья Днестра, на его левом берегу, у современного пос. Маяки Беляевского района Одесской области (в источниках отмечено существование на этом месте переправы через Днестр с остатками мечети и развалинами нескольких каменных зданий); богатое погребение золотоордынского сановника было исследовано у с. Каменка Очаковского района Николаевской области ⁵⁾.

С середины 60-х годов XIII в., на западе причерноморской степи обосновался крупный монгольский феодал-темник Ногай. Арабские авторы сообщают, что становища Ногай находились на Дунае в районе г. Исакчи. К 90-м годам XIII в. Ногай не только расширил собственные кочевья, но и обложил данью соседние государства и княжества. Отсутствие в регионе достаточно сильного противника, способного дать отпор грабительским устремлениям монголов, делало их полными хозяевами в этой части Европы.

Такое положение способствовало усилению экспансионистской и сепаратистской политики золотоордынского феодала, обосновавшегося здесь; больше того – Ногай оказывал сильное влияние на самих ханов и их политику. По информации арабских источников, хан Токта в 1300 году разбил войско темника в битве на озере Куяльник, сам Ногай был убит, а «его прах развеян по ветру». Учёные предполагают, что это событие произошло у Тилигульского или Куяльницкого лимана ⁶⁾.

В 1362 году, после битвы на Синих Водах, где литовский князь Ольгерд разбил войска трёх татарских беев, Днестровско-Днепровское междуречье оказывается на несколько десятилетий в составе Великого Княжества Литовского. Однако, татары не ушли и продолжали кочевать по руслам степных рек и лиманов. В 1421 году французский рыцарь Гильбер де-Ланнуа останавливался в их становищах на Днепре, где: *«...нашел одного татарского князя, друга и слугу великого князя Витольда, а также большую деревню, населенную татарами, подданными Витольда»*⁷⁾.

Погребальные памятники кочевников являются едва ли не единственными археологическими источниками, которые представляют в Причерноморских степях эпоху кочевого скотоводства – от «киммерийского» времени X – VII веков до н. э. – до «крымско-татарского» XV – XVIII веков.

Археологическое изучение средневековых кочевников южнорусских степей началось в конце XIX века с раскопок и публикаций отдельных курганов и могильников. В связи с частными исследованиями, русскими археологами выдвигались различные мнения об этнической принадлежности населения, оставившего те или иные погребения и группы курганов. Центральным вопросом стало отнесение отдельных кочевнических комплексов в Поднепровье к известным по летописям группам племён: печенегам, торкам, половцам и союзу чёрных клобуков.

Наиболее обширными и хорошо документированными были материалы раскопок пороских курганов проведённые Н. Е. Брандербургом и раскопки Д. И. Эварницкого⁸⁾. Характерные комплексы с погребением частей либо всего остова коня авторы раскопок связывали с торками, берендеями, или с чёрными клобуками. Подобная точка зрения базировалась на известных сообщениях русских летописей об обитании на южных подступах к Киеву, вассальных от русских князей кочевников –

чёрных клобуков, союз которых вобрал в себя остатки разгромленных половцами печенегов и торков⁹⁾.

На X археологическом съезде Н. Е. Брандербург предложил считать эти курганы печенежскими¹⁰⁾. Вскоре А. А. Спицын назвал такие курганы памятниками торков и берендеев, входивших в племенной союз чёрных клобуков. В отличие от Н. Е. Брандербурга он датировал эти памятники IX – началом XIII в. Специфические поросские курганы с западной ориентировкой и с погребением частей или целого остова коня, стали противопоставлять всем другим кочевническим древностям. Последние объявлялись половецкими¹¹⁾.

В.А. Городцов именно так подходил к курганам Северского Донца, раскопанным им в 1901 и 1902 гг. На XIII археологическом съезде он попытался приложить выводы А.А. Спицына к материалам своих исследований. В. А. Городцов относил к торкам погребения с отдельными костями и остовом коня, известными в Поросье, но встретившиеся ему в районе Северного Донца. Погребения с восточной ориентировкой, накатом и камнями в насыпи, а также погребения с частями коня, которые казались Городцову моложе погребений с остовом коня, он считал половецкими. Кроме того, Городцов выделял татарские погребения с подбоями¹²⁾.

Вскоре выяснилось, что погребения с частями коня, древнее чем погребения с остовом коня. Это разрушило стройную систему В. А. Городцова. К сожалению А. А. Спицын и В. А. Городцов не рассматривали весь материал в целом. Они ограничивались только материалами из Поросья и Северного Донца.

Намного шире круг кочевнических древностей рассматриваемых в работах выдающихся советских археологов второй половины XX века С. А. Плетнёвой, Г. А. Фёдорова-Давыдова и др. Рассматривая комплексы признаков различных погребальных сооружений и инвентаря,

сопоставляя данные письменных источников С. А. Плетнёва распределила памятники по этническим группам. К печенежским признакам она относила: западную ориентировку погребений; захоронение одних частей коня без человека; удила без перегиба и захоронения частей коня рядом с умершим.

Атрибуты половецких захоронений: ориентировка костяка человека головой на восток; сопровождение его полной тушей коня и отдельной ямой для коня. Торческих комплексов исследовательнице удалось выделить всего три. Они сродни печенежским, но отличаются деталями: западная ориентировка погребённых; наличие частей коня дополняется усложнением конструкции могил – перекрытиями, плечиками, подсыпками. Однако в своей классификации погребений средневековых кочевников С. А. Плетнёва не затрагивает памятники золотоордынского времени ¹³⁾.

Совершенно другую точку зрения по данной проблеме занимал Л. П. Зяблин. Среди древностей X – XIII веков, он выделял погребения с частями коня как печенежские, с полным скелетом коня как торческие, считая другие погребения этого времени – половецкими. Касательно золотоордынского времени, то Зяблин был убеждён, что все погребения этой эпохи могли быть оставлены только потомками номадов доордынского периода. По его мнению господство монголов в степях носило лишь политический характер и не повлияло на этнические процессы в кочевой среде ¹⁴⁾.

Таким образом, после более чем полувековой полемики по проблеме культурной атрибуции кочевнических средневековых погребений, исследователям не удалось прийти к общему мнению об основных признаках для различных групп кочевого населения. Упомянутые выше исследователи стремились распределить материал на рубрики, исходя из своих собственных представлений о принципах такого деления.

Г. А. Фёдоров-Давыдов среди причин, мешающих его предшественникам успешно решить эту задачу, выделил три основные: стремление представить определённый тип обряда как «закреплённый» за какой-либо одной группой кочевников; использования для датировок типов инвентаря, широко распространённых в южнорусских степях, а также типы погребальных комплексов, которые не содержали датирующие вещи. По его мнению, путаница в хронологическом определении погребений печенегов, торков и половцев происходит из-за отсутствия обоснованной и детальной хронологической шкалы для древностей средневековых кочевников¹⁵⁾. Стремление обнаружить «чистые» памятники, в которых прослеживались бы все типичные для обряда одного народа черты, не оправдано в принципе. Попытки выделить твёрдые, присущие только одной народности признаки погребального обряда игнорируют реальную историческую обстановку эпохи, характеризующуюся быстрой сменой племён и народностей в регионе, а также постоянным их смешением между собой.

Г. А. Фёдоров-Давыдов стремился выделить датирующие типы вещей и погребений, отказываясь от датировок по аналогам. Он полагал, что аналогии следует сопоставлять с изучением сопряжённости типов вещей внутри самого материала, представляющий исследуемый комплекс памятников. Это означает необходимость в вычленении групп типов инвентаря, закономерно встречающихся вместе в одних погребениях¹⁶⁾.

В результате исследователь выделил четыре группы, которые определили четыре хронологических периода в истории кочевников южнорусских степей: первый – конец IX – XI века (господство печенегов и торков); второй – последняя четверть XI – XII века (начальный период половцев); третий – конец XII века – начало XIII века (предзолотоордынский период половцев); четвёртый – вторая половина XIII – XIV веков (золотоордынский период половцев).

Распределение датированных погребальных комплексов по указанным периодам позволило автору установить как длительно существующие типы захоронений, так и кратко бытовавшие, характерные лишь для какого-либо определённого времени. Это позволило выделить датирующие типы погребений для различных территорий степей и связать их с определённым кочевым населением. По истечении почти полувека со времени выхода книги Г. А. Фёдора-Давыдова, мало кто из исследователей древностей средневековых кочевников усомнился в достоверности полученных им выводов. Разработанные для всей территории степной полосы Восточной Европы, хронологические и этнические определения автора применимы и для региональных исследований.

Так, например, в 1992 – 1999 годах на правом берегу Днепра в Поросье, исследуя курганный могильник эпохи бронзы между сёлами Яхны и Малополовецкое Фастовского района Киевской области в 1992 – 1999 годах сотрудники Фастовской археологической экспедиции открыли 13 древнерусских и кочевнических погребений XII – первой половины XIII веков. Опираясь на схему Г. А. Фёдора-Давыдова, проанализировав погребальный обряд и инвентарь кочевнических погребений автор публикации – М. В. Квитницкий, пришёл к выводу, что данный «кочевнический могильник связан с сетью поселений периода Киевской Руси XI – XIII веков, расположенных по течению реки Суботь, и принадлежит чёрным клобукам. Данный комплекс свидетельствует об оседании кочевников и поглощением их местным славянским населением»¹⁷⁾.

Погребения средневековых кочевников в Северо-Западном Причерноморье известны с 80-х годов XIX века. Именно тогда профессор Киевского университета Ф. И. Кнауэр впервые раскопал несколько курганов в долине р. Сарата, а также у сёл Павловка и Сарата Аккерманского уезда, где были обнаружены погребения средневековых кочевников¹⁸⁾.

Более многочисленными и последовательными были раскопки И.Я. Стемповского, проводившиеся в 1896 – 1910 годах в Тираспольском уезде Херсонской губернии. Дневники раскопок изданы не были. Лишь извлечения из них, часто неполные и не всегда точные, опубликованы В. И. Гошкевичем и его дочерью И. В. Фабрициус¹⁹⁾. Между тем коллекция И. Я. Стемповского является наиболее обширным археологическим материалом по истории средневековых кочевников на западной окраине причерноморских степей. Раскопки всех последующих десятилетий не позволили собрать такого количества памятников на столь компактной территории. Впоследствии средневековые материалы этих раскопок были обработаны и использованы А. О. Добролюбским в его монографии о средневековых кочевниках Северо-Западного Причерноморья²⁰⁾.

Род Стемповских был достаточно известен в крае. Некоторые из них были солидными домовладельцами, другие Стемповские, в том числе и И. Я. Стемповский, выбрали военную карьеру. Уйдя в отставку в чине штабс-капитана, И. Я. Стемповский не отсиживался дома, а со всей серьезностью взялся за археологические исследования. Летом 1896 года происходит знакомство И. Я. Стемповского с В. И. Гошкевичем, человеком фанатично преданным археологии, будущим основателем Херсонского краеведческого музея. Под руководством В. И. Гошкевича в г. Тирасполе и Суклее проводятся археологические раскопки, потрясшие И.Я. Стемповского, буквально перевернувшие дальнейшую судьбу этого немолодого уже человека. На следующий год он и его супруга, Л. С. Стемповская, начинают самостоятельные раскопки в с. Парканах. Находясь на земской службе И. Я. Стемповский привлекает к работе арестантов, которые не без удовольствия выполняют эти нетрудные работы. Тем более что день работы в поле приравнивался к двум дням пребывания в арестном доме.

Поразителен феномен ученого-самоучки, одержимого археологическими поисками. Он проводил работы бескорыстно, более того, скупал у местных жителей найденные предметы древности и безвозмездно отдавал их в дар Херсонскому музею. И. Я. Стемпковский не рвался к славе. Несмотря на многолетние успешные изыскания, он не написал ни одной монографии, ни одной статьи. Но вклад его в изучение глубокого прошлого левобережья Днестра трудно переоценить.

И. Я. Стемпковский был энтузиастом-археологом. Но его видимо, мало занимала дальнейшая обработка раскопанных материалов. С его именем не связано ни одной опубликованной работы (кроме упоминаний в отчётах Археологической комиссии). Несмотря на добросовестное, часто даже скрупулёзное отношение к ведению полевой документации (в чем прежде всего заслуга его жены Л. С. Стемпковской), он далеко не всегда внимательно относился к научной отчётности.

Возможно И. Я. Стемпковский, ведя раскопки на свои собственные средства, имел право сдачи материалов в любой музей. Преимущественно он сдавал их в Херсонский музей древностей, где главным хранителем был В. И. Гошкевич. Сам В. И. Гошкевич неоднократно ходатайствовал о выдаче, под свою ответственность, открытого листа для археологических раскопок на Нижнем Днестре. С 1896 года по 1902 год находки и копии дневников (оригиналы отправлялись в Археологическую комиссию) поступали в музей регулярно. После перерыва раскопки возобновляются лишь в 1909-1910 годах, но уже в 1911 году. В. И. Стемпковскому отказано в выдаче открытого листа из-за плохого качества отчётов.

Со смертью И. Я. Стемпковского и с началом Первой мировой войны раскопки прекращаются. В 1915 году В. И. Гошкевич направляет в Археологическую комиссию последний отчёт И. Я. Стемпковского за 1910 год. Всего Стемпковским и его женой было раскопано 412 курганов. Они систематизированы и описаны В. И. Гошкевичем. Он им дал единую

сплошную нумерацию и во многих случаях сопровождал рисунками с описаниями инвентаря.

По мнению А. О. Добролюбского, работавшего с полевой документации Стемпковских, курганы им исследовались более тщательно по сравнению с раскопками Ф. И. Кнауэра. Стемпковскими раскапывалась большая часть насыпи при помощи квадрата, вписанного в основания кургана, или же закладывалась широкая траншея. Практически во всех случаях фиксировались размеры курганов, состава насыпей, детально описывались погребальный обряд и инвентарь. Часто описания сопровождалось схематическими изображениями погребальных конструкций и вещей без масштаба.

К сожалению, в дневниках раскопок практически нет сведений о топографическом расположении исследованных памятников. В некоторых случаях указывается расстояния между курганами. По таким описаниям трудно судить составляли ли они единый могильник или же были разрознены. Только при раскопках у с. Чобручи в 1910 году в дневниках И. Я. Стемпковского оговаривается, что работы велись в урочище «сто могил», где исследованные курганы расположены «небольшими группами, по пять в каждой, очень редко – по одиночке»²¹⁾.

В целом, погребения средневековых кочевников обнаружены у всех населённых пунктов, где производились раскопки тех лет. Это Парканы, Плоское, Сербка, Суклея, Терновка, Тирасполь, Чобручи. Как правило в дневниках указывалось расстояние памятника до Тирасполя. Все исследованные курганы расположены в нижнем течении Днестра. В общей сложности выявлено 90 погребений, которые можно связать с кочевниками конца IX – XIV веков. Стратиграфические наблюдения авторов раскопок часто не отличается тщательностью описания. Но впускные позднекочевнические могилы в более ранних курганных насыпях описывались подробно.

Часть коллекции Стемповских храниться в Херсонском историко-краеведческом музее и в Артиллерийском музее в Санкт-Петербурге. 12 погребений, датированных золотоордынскими и византийскими монетами были опубликованы В. И. Гошкевичем ²²⁾. Ряд погребений, учтены в работе Г. А. Фёдорова-Давыдова.

Судьба коллекции Стемповских сложилась драматично. В годы Второй мировой войны она была вывезена в Германию и, казалось, безвозвратно утеряна. Но в 1991 году известный ленинградский ученый, находясь в научной командировке в Берлине, совершенно случайно обнаружил в фондах местного музея древностей экспонаты, поразительно похожие на находки Стемповских, и сообщил об этом в Херсон. Теперь уже сотрудники Херсонского краеведческого музея приезжают в Берлин за сохранившимися дневниками раскопок, которые вела Л. С. Стемповская. Благодаря ее аккуратным и подробным записям удалось опознать коллекцию, большей частью состоящую из «парканских» находок.

В марте 1994 года от имени властей ФРГ куратор Берлинского музея г-н Гольдман в торжественной обстановке вручает гостям из Херсона, казалось, навсегда утерянные экспонаты. В июле 1994 года, в Херсонском краеведческом музее развернулась экспозиция «Возвращенная коллекция», где снова воочию, а не по рисункам и фотографиям можно соприкоснуться с находками Стемповских ²³⁾.

После революции и гражданской войны несколько средневековых погребений были найдены около с. Усатово под Одессой ²⁴⁾. Об исследовании курганов румынскими археологами в буджакской степи в 20 – 30-х гг. информация отсутствует. В послевоенный период отдельные погребения были исследованы Т. Г. Обалдуевой на р. Кагильник, Ю. Н. Захаруком у с. Нерубайское под Одессой, Н. А. Кетрару на юге Молдавии, В. Н. Станко, А. И. Мелюковой на левом берегу Днестровского лимана ²⁵⁾.

В 1960-1970-х годах в связи со строительством оросительных систем в буджакской степи к западу от оз. Сасык начались массовые раскопки курганов. В первый же полевой сезон были исследованы 16 позднекочевнических погребений, в том числе и могильник золотоордынского времени у с. Нерушай. Подобные погребальные комплексы обнаружены у с. Огородное Болградского района и посёлка Беляевка Одесской области.

С 1976 года раскопки курганов проводились экспедициями отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института Археологии АН Украины в зоне строительства Придунайских оросительных систем. Исследованы новые памятники средневековых кочевников: погребения у сёл Кислица, Приморское, Траповка, Вишнёвое, Белолеее, Мирное, Петродолинское, Холмское, Фрикацей, Новосельское, Плавни, а также могильники – Кочковатое (44 погребения) и Дракуля (149 погребений)²⁶).

Тем не менее, несмотря на более чем столетнюю историю исследования курганов в степях Северо-Западного Причерноморья практически никто из перечисленных авторов не пытался этнически и хронологически атрибутировать погребения средневековых кочевников. Часто исследователи определяли погребения как «кочевнические» или «позднекочевнические», «средневековые», а в худшем случае как «неопределенные». Возможно, здесь сыграло отношение многих современных археологов к средневековым погребениям, как к излишним для изучения периода освещенного многочисленными письменными источниками.

Как видим, основная масса кочевнических древностей этого региона попала в научный оборот в последние десятилетия XX в. Поэтому и научная традиция их изучения также довольно коротка. Впервые классификацию, культурную атрибуцию и периодизацию средневековых кочевнических древностей региона произвёл

А.О. Добролюбский. Его классификация во многом основана на типологии вещей и системе датировки разработанной совместными усилиями Г. А. Фёдорова-Давыдова и С. А. Плетнёвой.

А. О. Добролюбским были обобщены вышеупомянутые материалы средневековых кочевников в регионе и представлены в докторской диссертации (защита работы проходила в Институте истории материальной культуры РАН, в Санкт-Петербурге в 1992 году). Выявлены региональные особенности развития кочевых культур, определены основные этапы исторического существования кочевников в регионе, их влияние на развитие соседних государств, разработана региональная периодизация истории кочевников.

По мнению А. О. Добролюбского, военная активность кочевников в Северо-Западном Причерноморье определялась силой давления с востока. Она зависела, также и от способа ведения кочевого хозяйства (таборного или полукочевого), от силы ответного давления оседло-земледельческого населения. Демографическая напряженность в регионе проявлялась во внешнеполитической активности кочевников и в их внутренних противоречиях. Эта относительная напряжённость и стала основой периодизации А. О. Добролюбского. Подчёркивается застойный и бесперспективный характер развития кочевого хозяйства, обусловленный особенностями экстенсивного хозяйства и отсутствием достаточных условий для внутреннего развития ²⁷⁾.

К сожалению, в постсоветский период масштаб археологических исследований в регионе заметно сократился, прекратилось финансирование государством строительства оросительных систем и, соответственно уменьшилось число исследованных курганов. В конце 80-х и 90-х годах прошлого века раскопки курганов проводились нечасто. Среди находок в регионе памятников средневековых кочевников в этот период, можно упомянуть материалы раскопок курганов С. А. Агульникова на юге

Молдавии, М. Фокеева, А. Н. Дзиговского и А. В. Субботина в Одесской области ²⁸⁾. В 1988 – 1989 годах отдельные единичные погребения золотоордынского времени были раскопаны Буджакской охранной археологической экспедицией под руководством Е. Новицкого у с. Новосельское Ренийского района Одесской области на Дунае (материалы не опубликованы). В 1991-1992 годах в районе крепости Измаил исследовался могильник поздних кочевников экспедицией под руководством А. Бейлекчи (материалы не опубликованы). В середине 1990-х годов ряд курганов исследовался в Одесской области по трассе нефтепровода Одесса – Броды экспедицией под руководством А. Н. Дзиговского и С. И. Ивановой. Материалы разведок и раскопок были опубликованы в отдельной небольшой статье ²⁹⁾.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

- 1) Симонович Е. О. Кам'яна баба з с. Калинівка в Причорномор'ї / Е. О. Симонович // Археологія. – 1995. – № 1. – С. 43-50.
- 2) Багрянородный Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М. : Наука, 1991. – С. 49-51.
- 3) Протокол № 402 заседания Общества // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). – Т. 29. – С. 23-24; Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР / И. В. Фабрициус. – К. : Изд-во АН УССР, 1951 – С. 51; Гудкова А. В. Археологические памятники Одесской области (справочник) / А. В. Гудкова, С. Б. Охотников, Л. В. Субботин, И. Т. Черняков. – Одесса : ОАМ, 1991. – С. 78.
- 4) Филькова А. Ю. Географические термины тюркской ойкомии / А. Ю. Филькова // Ономастика Татарии. – Казань : АН СССР, Казанский филиал, 1989. – С. 79; Шабашов А. В. Тюркская гидронимия

- низовий Буго-Днестровського міжуроччя. 1. Хаджибей и Куяльник / А. В. Шабашов // Лукоморье: Археология, етнология, история Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2011. – Вып. 5. – С. 60-68.
- 5) Гребенников Ю. С. Археологические памятники левобережья Тилигульского лимана / Ю. С. Гребенников // Причерноморський екологічний бюлетень. Одеса, 2004. – № 2 (12). Червень. – С. 216; Добролюбский А. О. Тайны Причерноморских курганов / А. О. Добролюбский. – Одесса : Маяк, 1988. – С. 131-143; Егоров Е. Л. Историческая география Золотой орды в XIII – XIV вв. / Е. Л. Егоров. – М. : Наука, 1985. – С. 91.
- 6) Добролюбский А. О. Тайны Причерноморских курганов / А. О. Добролюбский. – Одесса : Маяк, 1988. – С. 146.
- 7) Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1339-1450 // ЗООИД. – Т.3. – Одесса, 1852. – С. 440.
- 8) Брандербург Н. Е. К вопросу о каменных бабах / Н. Е. Брандербург // Труды VIII археологического съезда 1890. – Т. 3. – М., 1897. – С. 13-18; Журнал раскопок Н. Е. Брандербурга 1888 – 1902 гг. – СПб., 1908; Эварницкий Д. И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии / Д. И. Эварницкий // Труды XIII археологического съезда. – Т. 1. – М., 1907.
- 9) Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). – Т. 2. – М., 1962. – С. 521-539.
- 10) Брандербург Н. Е. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей / Н. Е. Брандербург // Труды X археологического съезда. – Т. 1. – М., 1899. – С. 1-14.
- 11) Спицын А. А. Курганы киевских торков и берендеев / А. А. Спицын // Записки Русского археологического общества: Новая серия. – Т. XI. – Вып.1-2. – СПб, 1899. (далее ЗРАО).

- ¹²⁾ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии / В. А. Городцов // Труды XII археологического съезда. – Т.1. – М., 1905; Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. / В. А. Городцов // Труды XIII археологического съезда. – Т.1. – М., 1907.
- ¹³⁾ Плетнёва С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях / С. А. Плетнёва // Материалы исследования по археологии СССР. – № 162. – М., 1958. – С. 153 (далее МИА).
- ¹⁴⁾ Зяблій Л. П. О «татарских» курганах / Л. П. Зяблій // Советская археология. – 1955. – № 22. – С. 96.
- ¹⁵⁾ Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов: Археологические памятники / Г. А. Фёдоров-Давыдов. – М., 1966. – С. 8.
- ¹⁶⁾ Там же. – С. 93.
- ¹⁷⁾ Квітницький М. В. «Свої погані» Фастівської землі / М. В. Квітницький // Археологічні пам'ятки Фастівщини. Матеріали до археологічної карти Київської області. // Фастівський державний краєзнавчий музей. Прес-музей. – 2004. – № 20-21. – С. 46-47.
- ¹⁸⁾ Кнауэр Ф. И. О курганах раскопанных в Южной Бессарабии / Ф. И. Кнауэр // Чтения исторического общества Нестора-летописца. – Кн. 3. – К., 1889. – С. 33-35; Кнауэр Ф. И. Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии) / Ф. И. Кнауэр // ЧИОНЛ. – Кн. 4. – К., 1890. – С. 29-32; Раскопка двойного кургана у села Павловка Аккерманского уезда Бессарабской губернии // ЧИОНЛ. – Кн.6. – К., 1892. – С. 10-12.
- ¹⁹⁾ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. – Кн. 1 / В. И. Гошкевич. – Херсон, 1903; Гошкевич В. И. Погребения датированные джучидскими монетами. Из раскопок И. Я.

- Стемпковского / В. И. Гошкевич // Вісник Одеської комісії краєзнавства, секція археологічна. – Ч. 4-5. – Одеса, 1928. – С. 104-111;
- Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – Вып. 1 / И. В. Фабрициус. – К., 1951. – С. 15-35.
- 20) Добролюбский А. О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху Средневековья / А. О. Добролюбский. – К. : Наукова думка, 1986.
- 21) Добролюбский А. О. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (материалы раскопок И. Я. Стемпковского) / А. О. Добролюбский // Курганы в зонах новостроек Молдавии. – Кишинёв, 1984. – С. 153-174.
- 22) Гошкевич В. И. Погребения датированные джучидскими монетами. Из раскопок И. Я. Стемпковского / В. И. Гошкевич // Вісник одеської комісії краєзнавства. – Ч. 4-5. – (секція археологічна). – Одеса, 1928. – С. 104-111.
- 23) История села Парканы [Электронный ресурс]. – Режим доступа до сайту: <http://parcani.at.ua/publ>
- 24) Пора-Леонович В. А. Раскопки курганов в окрестностях Одессы летом 1923 г. / В. А. Пора-Леонович // Вісник Одеської комісії краєзнавства. – Ч. 2-3. – Одеса, 1925. – С. 69-74.
- 25) Обалдуева Т. Г. Курган эпохи бронзы на р. Кагильник / Т. Г. Обалдуева // Известия Молдавского филиала АН СССР. – Вып . 5 (25). – Кишинёв, 1955. – С. 45; Захарук Ю. Н. Розкопки коло с. Нерубайське під Одесою // Археологічні пам'ятники УРСР. – Т. 1. – К., 1949. – С. 144-148; Кетрару Н. А. Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 году / Н. А. Кетрару // Далёкое прошлое Молдавии. – Кишинёв, 1969. – С. 35-54; Станко В. Н. Детское погребение кочевника // Записки Одесского археологического общества. – Т. 1. – Одесса, 1960. – С. 281-284; Мелюкова А. И. Курган усатовского типа у с. Тудорово / А. И. Мелюкова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. –

- Вып. 88. – М, 1962. – С. 82-83.
- 26) Шмаглий Н. М. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра / Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 6. – Ч. 1. – Одесса, 1970. – С. 25; Шмаглий Н. М. Курганы Нижнего Подунавья / Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков, И. Л. Алексеева // Археологические открытия. – М., 1971. – С. 233-235; Субботин Л. В. Курганы у с. Огородное / Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглий // МАСП. – Вып. 6. – Ч. 1. – Одесса, 1970. – С. 133-150; Алексеева И. Л. Раскопки Беляевского кургана / И. Л. Алексеева // МАСП. – Вып. 7. – Одесса, 1971. – С. 32-41.
- 27) Добролюбский А. О. Кочевники на западе Причерноморских степей в X-XVII веках. Историко-археологическое исследование: Автореф. дис... д-ра ист. наук: спец. 07.00.06 „Археология” / А. О. Добролюбский. – СПб. : Ин-т. ист. мат. культ. РАН, 1991. – 34 с.
- 28) Ванчугов В. П. Курганы Приморской части Днестро-Дунайского междуречья / В. П. Ванчугов, Л. В. Субботин, А. Н. Дзиговский. – Киев, 1992.
- 29) Смолянінова С. П. Археологічна мапа Тилигуло-Куяльницького міжліманя / С. П. Смолянінова, А. С. Островерхов, В. Г. Кушнір. – Одеса : ОАМ, 1996; Иванова С. В. Археология и история западного берега Тилигульского лимана: проблемы исследования и охраны культурного наследия / С. В. Иванова, А.С. Островерхов, В. Г. Петренко// Причорноморський екологічний бюлетень. – Одеса – 2004. – № 2 (12). Червень. – С. 186-211.